

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков

[1]

Я собираюсь говорить о лучшем произведении Гоголя, о «Мертвых душах». Поэму эту я хочу не разбирать, а смаковать, как сам Гоголь смаковал ее, пока писал. При этом я вспоминаю не без удовольствия, как в гимназические годы получил двойку (или, как у нас в Тенишевском училище говорилось, весьма неудовлетворительно) за сочинение как раз на ту же тему, которую выбрал теперь. Царствовал в те дни какой-то остроумный, но безвестный гений, изобретавший такие темы для классных сочинений, как, например, «Плюшкин и Скупой Рыцарь» или «Онегин и Печорин». Когда задавалась нам тема «Мертвые души», то требовалось от нас, чтобы в нас звучала, так сказать, общественно-морально-бухгалтерская нотка. Бухгалтерия состояла в том, что гоголевская поэма делилась на удобнейшие рубрики: Плюшкин был скуп, Манилов – мечтателен, Собакевич – мешковат и т. д. Выходило в конце концов так, будто Гоголь был безжалостным обличителем скупости, мечтательности, мешковатости русских помещиков. Литература оказывалась интересна только тем, что писатели выводят, как говорилось, – чудное словцо! выводят – типы, причем непременно нужно было установить, отрицателен ли данный тип или положительный. Безвестный гений, изобретатель классных тем, иногда задавал нам еще глубокомысленный вопрос, что хотел показать автор, изображая, скажем, генерала Бетрищева, – и когда я ответил на это, что автор хотел нам показать малиновый халат генерала Бетрищева, то и получил двойку.

Полагаю, что эдакий способ изучения литературы может привести к полному непониманию литературы. Этот метод особенно тлетворен, когда он применяется к Гоголю – именно потому, может быть, что этот метод особенно легко к нему применить. Буду говорить просто. Когда я читаю «Мертвые души», то мне никакого дела нет до того, брали ли чиновники взятки и были ли действительно такие жмоты, прохвосты и дураки среди русских помещиков. Ибо жизнь служила Гоголю, а не Гоголь жизни, или, еще яснее, Гоголь творил гоголевскую жизнь. И я подхожу к его «Мертвым душам», как подхожу к прекрасной картине – не рассуждая о том, как звалась флорентийская цветочница, послужившая для художника моделью мадонны. Гоголем надобно наслаждаться на свежую голову, забыв классные сочинения и исторические данные и не оскверняя географическим названием города Н., куда в прекраснейший день русской прозы въехал Чичиков. Я думаю, что все здесь присутствующие помнят этот въезд.

«„Вишь ты, вон какое колесо, – сказал один мужик другому. – Что ты думаешь, доедет это колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?“

„Доедет“, – отвечал другой.

„А в Казань-то, я думаю, не доедет?“

„В Казань не доедет“, – отвечал другой.

Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.»

Замечательный, и главное – совершенно новый литературный прием. Ведь у другого писателя эти самые мужики и этот так тщательно описанный молодой человек непременно стали бы в дальнейшем участниками романа – и этот молодой человек, быть может, главным его героем, иначе, казалось бы, нечего о них упоминать. Чего бы проще, естественнее – я имею в виду условную естественность романа сороковых годов – если бы какая-то бричка, подъезжающая к гостинице, дала возможность автору ввести своего героя? Гоголь как бы обманывает своего читателя подробным описанием франта, и как только этот мгновенный обман читателем сознается, все это место – въезд рессорной небольшой брички, пустоватая провинциальная улица, ветерок, пыль, трое человек прохожих – все это место приобретает такую образность, такую живость, и обнаруживается такое гениальное понимание писательского дела что читатель только благодарен обманщику. Этот прием, эту

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
прекрасную прихотливость я отмечаю и во многих других местах поэмы. Чичиков возвращается в тот же город Н., в ту же гостиницу, после сделки; вот и он заснул, и слуги, и вся гостиница «объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятаю. Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо шиты, и долго еще поднимал он ногу и осматривал бойко и на диво стачанный каблук». И это все: поручик с его лоснящимися бессмертными сапогами – такой же мимолетный образ, как встречный фронт. Но как глубоко проникает изображение мертвого сна гостиницы через этого неспящего поручика и через его волшебные сапоги.

Сознаюсь – у меня по хребту проходит какой-то удивительный холодок всякий раз, как я читаю это место. И повторяю: этот прием был совершенно новый, ничего подобного ему не было в русской литературе – и появляется он опять гораздо позже у писателей-импрессионистов, у недавних иностранных и отечественных новаторов, – но, разумеется, механизм уже виден, и я не чувствую того неумирающего изумления, которое вызывает во мне гоголевская прихоть. И вот что еще так и пронзает своей великолепной неожиданностью гоголевские сравнения, сравнения, доведенные до какого-то гениального абсурда, сравнения между предметами, которые один Гоголь мог сопоставить, сравнения, доказывающие как-то исподтишка, что действительно все в мире однородно и одинаково любопытно. «День был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням». Обратите внимание на это «впрочем», соединяющее цвет неба и воскресного пьяницу. Или описание лица Собакевича: «Круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные, легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья». Сравнение кончается на «молдаванской тыкве», а затем из нее выскакивает молодой музыкант. Далее Гоголь гениально завирается, как завирается Ноздрев, рассказывая о том, как он будто бы содействовал бегству губернаторской дочки с Чичиковым – пугнул, мол, попа, обещаясь донести на него, уступил даже свою коляску и заготовил на всех станциях переменных лошадей. «Подробности дошли до того, что [он] уже начал называть по именам ямщиков». Подробности гоголевских сравнений доходят до того же – и это вдохновенное вранье, эта игра гения, которому все позволено, только радуется, усиливая, укрепляя образ. Гоголю будто жаль с образом расстаться, выпустить его из рук обратно в хаос еще неопisanного мира, – иногда же само сравнение служит ему чрезвычайно искусным переходом. Так, собачий лай, которым встречен Чичиков у дома Коробочки, сравнивается с концертом, сравнение развертывается; собаки как бы уже забыты, изображается уже самый концерт – «тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову», и только один бас, «засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат окна». И тут, от концерта автор самым естественным образом переходит к тому, что должно было интересовать покупателя мертвых душ более всего: уже по одному собачьему хору [2], составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная. Во всех этих сравнениях примечательно еще одно свойство гоголевского письма: его редкая картинность, искусная красочность. Слепой от рождения, которому прочли бы вслух «Мертвые души», получил бы лишь самую крохотную долю того наслаждения, которое получает зрячий читатель. Эпитет «цветное» так и просится на уста, когда стараешься определить гоголевское творчество. Сочиняя «Мертвые души», автор как бы превращал каждую каплю чернил, дрожавшую на конце его пера, в живую каплю краски. Такой дивно окрашенной прозы русская муза еще не знала. И при этом Гоголь-живописец чрезвычайно разнообразен: то он сочный акварелист, то тщательный график, то неожиданной миниатюрой, картинкой на табакерке он мимоходом очарует меня, а то обдаст каким-то млеющим солнцем, точно на него и впрямь влияло теплое итальянское искусство. Кажется, что можно взять карандаш и кисть и иллюстрировать каждую фразу «Мертвых душ», по две, по три картинки на страницу. Но подчеркиваю: кажется, ибо на самом деле никакому художнику не удалось бы так запечатлеть красками, как Гоголь запечатлел свой мир словами. Вот, например, как прелестно и тонко, чуть-чуть под старинку, нарисованы Манилов и Чичиков в том месте, где оба они застыли после того, как Чичиков объяснил, каких именно крестьян он хочет приобрести. «Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимо, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
обеим сторонам зеркала». Как это чудно. Или вот, еще совсем влажная акварель в стиле русских пейзажистов: «Направо, что ли? [...] обратился Селифан к [...] девочке, показывая ей кнутом на почерневшую от дождя дорогу между ярко-зелеными, освеженными полями». А вот миниатюра: «Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платком, и обе дамы отправились в гостиную, разумеется голубую, с диваном, овальным столом и даже ширмочками, обвитыми плющом». Этот легкий удар платка, эти дамы, плавно переходящие в голубую гостиную, эти собачонки, за ними побежавшие – мохнатая Адель и высокий Попурри на тоненьких ножках, – все это несказанно восхитительно и остается навек в хрусталике глаза. Иногда вдруг становится шире размах гоголевской кисти особенно тогда, когда Чичиков покидает город Н. «Проснулся – пять станций убежало назад, луна, неведомый город, [...] Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их черные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу блистают вкось озаренные деревянные крыши». Как, должно быть, захлопала глазами русская муза, впервые прочтя эти строки, – русская муза, которая, говоря о луне, не шла дальше пресловутого серебра и серебристости... И после этой освежающей лунной ночи позвольте обратиться к солнечному дню, к описанию сада Плюшкина: «Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было все окинуто тенью, и чуть-чуть мелькала в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы», – ведь смешно сказать: мораль нам читали, а что такое чапыжник не объясняли, – «иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листья, под один из которых забравшись БОГ весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте». (Кстати сказать, как часто бывает у Гоголя, синтаксис тут принесен в жертву предельной картинности.)

Из всего вышесказанного, надеюсь, видно, как сложна и богата техника Гоголя. Разумеется, я не исчерпал всего разнообразия его приемов, – а один из этих приемов, так называемые лирические отступления, я приберегу для конца моего маленького доклада. Теперь же, повторив, что самая манера гоголевского письма чрезвычайно сложна – с ее заговаривающимися метафорами, неожиданно вспыхивающими образами, вереницами роскошных и нежных картин, повторив это, я хочу отметить, что, несмотря на эту сложность, внешняя архитектура поэмы чрезвычайно проста и гармонична. Я имею в виду очертания ее фабулы, ее движение и развитие. Причем речь идет только о первой части поэмы. Вот ее схема: Чичиков приезжает в город Н., знакомится там с тремя помещиками, отправляется к ним в их поместья; через одного из них находит четвертого, а благодаря ошибке пьяного кучера и пятого; встречает по пути «чудное явление» – губернаторскую дочку; возвращается в город Н., чтобы закрепить продажу. Там же собираются те три первоначальных помещика, с которыми он в городе Н. познакомился, и один из них, спьяна, разоблачает его, – да прикатывает из своего поместья Коробочка, и появляется губернаторская дочка. Возникают гиперболические сплетни, и Чичиков поспешно город Н. покидает. Структура поэмы, таким образом, крайне проста и крайне гармонична, все связано, все вытекает одно из другого – эта удивительная стройность как бы оправдывает наслаждение, которое во мне вызывают составные мелочи. И вот, наконец, гениальный штрих, последняя завершающая волна гармонии: автор дает мне биографию героя в самом конце – и насколько она от этого становится ярче и правдивее, и вместе с тем легче – ибо она не вторгается в повесть, а именно завершает ее! Оригинальнейший, прекраснейший прием...

Я особенно подчеркиваю то, что Гоголь в этой первой части своей поэмы наслаждается, играет, то отдается великолепному полету фантазии (при этом, разумеется, раз тридцать перечеркивая каждую строку, но ведь в этом и есть игра), то искусным, незаметным движением направляет ее туда, куда требует стройность целого, – наслаждается, играет, летит, совершенно не заботясь о том, что именно найдет в его поэме пошлая мораль и недалекая общественная мысль. Ни тени публицистики, рассудочности, сарказма, желанья что-то доказать, обличить, выявить – ничего такого, конечно, в этой первой части нет и быть не могло. Единственное, что можно назвать рассудочным, это постоянно повторяющиеся намеки на вторую часть «Мертвых душ»: туманные, почти мистические обещания, связывающие будущее России с будущим гоголевской книги.

Кто виноват, что вторая часть «Мертвых душ» так ужасно бледна и нестройна? Критика ли, принявшая художника за публициста, или новое течение духовной жизни

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru автора, или просто упадок творческих сил, простительная усталость гения? Трудно сказать. Одно совершенно ясно. Гоголь стал рассуждать, ему захотелось показать что-то такое, что, по мнению общества, было бы, как говорится, светлым явлением, – и если непонятно, как художник гоголевского размаха мог захотеть этого, то зато совершенно понятно, почему этот самый художник сжег свой труд. Не живут, пресно добродетельны и нехудожественно прекрасны эти новые «хорошие» помещики, благополучные резонеры Костанжогло и Муразов. Тут и там Гоголь-художник просыпается. По художественному своему чину генерал Бетрищев в своем малиновом халате не уступает Собакевичу. Чуден голый Павел Павлович Петух, который запутался в сети, барахтаясь в воде вместе с пойманной рыбой, и потом вылез на берег «покрытый клетками сети, как в летнее время дамская ручка под сквозной перчаткой». Совершенно неожиданные, очень веселые мысли о современных технических достижениях на русской земле вызывает образ помещика Кошкарева, который считал, что «необходимо для хозяйства устроить письменной конторы, контор комиссии, [...] комитетов», и хотел, чтобы крестьянин, идя за плугом, читал бы «в то же время книгу о громовых отводах». И конечно, с наслаждением принимаешь самого Чичикова, его словечки, его взлет и падение, его фрак цвета наваринского дыма с пламенем[3] и сотни цветных гоголевских образов, рассеянных там и сям между мучительно вялыми рассуждениями о том, как помещикам стать примерными помещиками. Но общей гармонии, прекрасной стройности первой части нет и в помине. Светлое явление – примерный помещик – испортил все. И как знаменательно то, что и читателю и герою ясно, что предложить Костанжогло продать мертвые души совершенно немислимо. Эта нарочитая личность вне поэмы, вне творчества.

Возвращаюсь опять к первой части, чтобы упомянуть еще один удивительный гоголевский прием, по существу известный всякому, кто читал «Евгения Онегина», но звучащий по-новому в «Мертвых душах». Имею в виду авторские «лирические отступления». «Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне [...] и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! о, моя свежесть!» И так волнует торжественная плавность первого предложения – и затем эти два ритмических восклицания, в которых чувствуется какое-то особенное, гоголевское ударение, самая чистая и звучная лирика. Этим приемом Гоголь пользуется часто, и я бы с наслаждением привел еще несколько таких выдержек, но боюсь этим увлечься, ибо говорить о Гоголе, читать из Гоголя можно бесконечно. Много еще мне хотелось бы о «Мертвых душах» сказать, но всего не расскажешь, наслаждаться Гоголем можно без конца. Позвольте же извиниться перед вами, если в своем докладе я обошел многое важное и значительное, а говорил о неважном и незначительном на первый взгляд, о сокровенных изгибах слога, о красках, о каком-то кленовом листе, пронизанном насквозь солнцем... Я не утверждаю, мне только кажется, что этим сияющим листом Гоголь, его творец, был не менее доволен, чем образом самого героя.

В совершенно новом и неожиданном мире, который всякий неожиданный писатель создает, все одинаково важно. Такой мир – Пушкинский, Гоголевский, Чеховский или мой мир – существует сам по себе. У всякого читателя есть опять-таки свой мир – иногда наскоро склеенный из газет, а иногда не менее оригинальный, чем мир писателя. Но горе тому читателю, который увидит в общепринятом и общедоступном какую-то высшую степень действительности, которую можно навязать автору, автору, самому создающему свою действительность.

Примечания

1 Berg Collection. New York Public Library. Box 1, folder 3. На первой странице рукописи имеется помета «1926-27». По-видимому, доклад был написан к 75-летию со дня смерти Гоголя, отмечавшемуся 21 февраля 1927 года. Цитаты из «Мертвых душ» исправлены по каноническому тексту.

2 У Гоголя «лаю» вместо «хору».

3 У Гоголя – «наваринского пламени с дымом».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Гоголь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!